

В. Несмелов

**Догматическая система
святого Григория Нисского**

Часть 1 и 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В11

В11 **В. Несмелов**
Догматическая система святого Григория Нисского: Часть 1 и 2 / В. Несмелов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 638 с.

ISBN 978-5-518-06872-8

Догматическая система святого Григория Нисского. Часть 1. Учение о Боге
в себе самом Часть 2. Учение о Боге в его отношениях к миру и человеку.

ISBN 978-5-518-06872-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тить вокругъ себя православныхъ епископовъ другихъ общинъ, такъ что для умиротворенія партій потребовалось не присутствіе его, а отсутствіе ¹⁾. Въ качествѣ объясненія этого факта только и можно замѣтить, что св. Григорій Назіанзинъ былъ рожденъ не для управленія церковію, а для защиты церкви отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ ея. Послѣ св. Аѳанасія Александрійскаго, онъ несомнѣнно былъ самымъ виднымъ борцемъ противъ аріанъ. Эта именно борьба далеко выдвинула его изъ среды всѣхъ православныхъ епископовъ IV вѣка; она именно сдѣлала его истиннымъ представителемъ церковнаго богословія и на вѣки утвердила за нимъ исключительное наименованіе Богослова. Повинуясь своему природному гению, св. Григорій Назіанзинъ раскрылъ свое богословіе въ связныхъ и ясныхъ догматическихъ проповѣдяхъ. Отъ природы ораторъ, онъ глубже всего и полнѣе всего могъ передать высокія тайны христіанскаго богословія „въ великолѣпномъ украшеніи образовъ“, и потому въ области христіанскаго краснорѣчія онъ не имѣлъ и не имѣетъ себѣ равнаго ²⁾. Св. Григорій Нисскій точно также, какъ и Назіанзинъ, не обладалъ особеннымъ практическимъ талантомъ, хотя значительное практическое вліяніе его на церковную жизнь и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію ³⁾. Подобно св. Григорію Богослову, онъ главнымъ образомъ былъ защитникомъ церковнаго вѣроученія, только на другомъ пути и при помощи другаго оружія. Природный философскій складъ собственной

---

¹⁾ Въ 381 г., во время засѣданій втораго вселенскаго собора, когда личность св. Григорія послужила поводомъ къ раздору между православными епископами, онъ вынужденъ былъ ради прекращенія этого раздора оставить Константинополь и удалиться въ Назіанзъ.

²⁾ Rupp, loco cit.

³⁾ О значительномъ вліяніи св. Григорія на церковную жизнь православнаго востока можно судить по словамъ сестры его Макрины: «Ты извѣстенъ, — говоритъ она св. Григорію, — и городамъ, и варошнымъ собраніямъ, и цѣлымъ областямъ; церкви посылаютъ и зовутъ тебя на помощь и исправленіе». De vita s. Macrinae, Opera S. Gregorii, episcopi Nysseni, edit. Migne in Patrologiae cursu comp-

мысли заставилъ его обратить особенное вниманіе на древнюю философію, которая продолжала еще широко жить въ греческомъ обществѣ IV вѣка и несомнѣнно имѣла на него громадное вліяніе. Гуманизирующее значеніе этой философіи очень живо сознавалось всѣми христіанскими богословами ученаго александрійскаго направленія, и потому всѣ они въ большей или меньшей степени посвящали себя на ея изученіе. Вслѣдъ за другими серьезно изучалъ ее и св. Григорій Нисскій¹⁾, но лишь для того, какъ потомъ оказалось, чтобы осудить всѣ философскія системы язычества²⁾ и замѣнить ихъ новой, чисто христіанской философіей. Съ этою цѣлю онъ попытался ввести философскій элементъ въ христіанское богословіе, попытался именно сдѣлать фило-

---

loeto, series graeca, t. 46, p. 981 В. Срав. письмо св. Григорія № 19, тамъ же стр. 1076—1077. Срав. письмо св. Григорія Богослова *edit. Morelli Paris 1630*, Opera S. Gregorii Nazianzeni, t. I, p. 798, ep. 34.— Такъ какъ подлинный текстъ твореній св. Григорія Нискаго мы постоянно будемъ цитовать по одному и тому же изданію *Migne, Paris 1858* т., то считаемъ возможнымъ не указывать дагѣе издателя и его изданіе, а прямо цитовать—Opera S. Gregorii t. I, II и III, изъ которыхъ I соотвѣтствуетъ 44 тому полного курса греческой серіи Патрологіи Миня, II—45 и III—46.

¹⁾ *Св. Григорій Богословъ* (orat. VI, Opera t. I, p. 137 ed. Morelli) свидѣтельствуетъ, что св. Григорій Нисскій былъ «высокъ ученостию всеобъемлющею, не только именно нашею (т. е. христіанскою), но и тою, которая была нѣкогда нашею (т. е. языческою)». Точно также и *Свида* въ своемъ лексиконѣ церковныхъ писателей говорить, что «онъ, мужъ знаменитѣйшій, былъ исполненъ всякой учености». *Migne, Patrol. t. 117, p. 1267.*

²⁾ «Видѣвши наука,—говоритъ св. Григорій,—воистину безчадна, всегда мучится болями рожденія и никогда не разрѣшится живыми младенцемъ. Какой въ самомъ дѣлѣ плодъ долгихъ, невыравно-мучительныхъ болей,—плодъ достойный столяныхъ и таковыхъ трудовъ показала философія? Не всѣ ли выкинуты скорыми и недоношенными, прежде чѣмъ пришли въ свѣтъ боговѣдѣнія? А вѣдъ и они могли бы сдѣлаться людьми, еслибы не совсѣмъ были сокрыты въ лонѣ безчадной мудрости». *De vita Moysis*, Opera t. I, p. 329 В. Такъ рѣзко осудилъ св. Григорій содержаніе языческой науки, еще болѣе рѣзко онъ осудилъ ея форму. См. *De anima et resurrectione*, Opera t. III, p. 52 ВС.

софію христіанской и богословіе философскимъ; но при этомъ онъ стремился не къ переработкѣ догматическаго содержанія христіанства, а только къ его философскому проникновенію. Въ настоящее время, какъ извѣстно, существуетъ цѣлая школа богослововъ, которые настолько тѣсно связываютъ рациональную аргументацію въ пользу какого либо — догмата съ самымъ содержаніемъ его, что наивно предполагаютъ, будто съ разрушеніемъ аргументаціи необходимо падаетъ и истинность догматическаго содержанія. Св. Григорій думалъ не такъ. Онъ совершенно не считалъ возможнымъ довести союзъ философіи и богословія до полнаго ихъ слянія и отождествленія, потому что обѣ эти науки выходятъ изъ разныхъ источниковъ, и положенія ихъ имѣютъ разныя степени достовѣрности. Вѣковѣчныя истины христіанскаго богословія не изобрѣтаются человѣческимъ умомъ, какъ истины философскія, а получаютъ готовыми чрезъ откровеніе Самого Бога, и потому имѣютъ абсолютную достовѣрность. Философская дедукція не можетъ ни прибавить, ни убавить этой достовѣрности; она полезна единственно только, какъ *τρόπος παιδείας*, къ сознанію и усвоенію человѣкомъ уже готовыхъ, свыше открытыхъ, абсолютно-истинныхъ догматовъ христіанства¹⁾; т. е. философія только помогаетъ человѣку уразумѣвать подлинный смыслъ божественнаго откровенія и чрезъ это сознать его истинность. Отсюда ясно, что св. Григорій, по справедливому замѣчанію Рупна, принадлежитъ къ тѣмъ защитникамъ православія, которые предлагаютъ философское построеніе ученія не для того, чтобы аккомодировать съ нимъ догматы церкви, а лишь для

---

¹⁾ Разъясняя своему ученику Амманію ученіе о св. Троицѣ, св. Григорій говоритъ: «хорошо было бы, еслибы мы нашия вѣщанія не опереться наша колеблющаяся мысль, не приводила болѣе въ сомнѣніе и недоумѣніе обоюдною негѣлостію (тритеизма и савелліанства); но если нашъ отвѣтъ будетъ и слабѣе предложенной задачи, сохранимъ навсегда твердымъ и неподвижнымъ полученное нами отъ отцевъ преданіе». *Quod non sint tres Dii*, Opera t. II, p. 117 B.

того, чтобы при его помощи глубже проникнуть въ содержаніе церковнаго символа ¹⁾). Для св. Григорія философія имѣла значеніе не сама по себѣ, а лишь постольку, поскольку она давала ему необходимое вспомогательное средство къ такому пониманію христіанства, въ которомъ удобно находили бы себѣ полное оправданіе и общечеловѣческая цѣль божественнаго откровенія и высшее назначеніе человѣческаго разума.

Не трудно понять эту конечную цѣль христіанской философіи св. Григорія, если только мы обратимъ надлежащее вниманіе на тѣ историческія обстоятельства, которыя обусловили собою необходимость ея постановки. Св. Григорій родился и воспитался въ самый разгаръ аріанскихъ споровъ ²⁾, раздѣлившихъ всю христіанскую церковь на двѣ враждебныя партіи. Онъ собственнымъ опытомъ извѣдалъ весь вредъ этого раздѣленія, не одинъ разъ видѣлъ измѣну православію со стороны его недавнихъ защитниковъ, видѣлъ гибельный раздоръ между самими православными епископами, постоянно подозрѣвавшими другъ друга въ коварствѣ и по однимъ только подозрѣніямъ прерывавшими другъ съ другомъ общеніе ³⁾; извѣдавшій и видѣвшій все это Григорій, естественно, долженъ былъ вдуматься въ смыслъ современнаго ему религіознаго движенія и принять въ немъ то или другое участіе. Онъ вступилъ въ борьбу съ аріанами,—но такъ какъ бороться съ ними на почвѣ св. писанія было очень трудно и даже, пожалуй,

---

¹⁾ *Визр*, op. cit. s. 164.

²⁾ По очень вѣроятному соображенію Рушна (op. cit. s. 13 Апшерк.), св. Григорій родился во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ IV вѣка; слѣдовательно, вся молодость его падаетъ на время царствованія ревностнаго слуги аріанъ—императора Констанція.

³⁾ Св. Григорій очень живо изображаетъ это печальное состояніе церкви въ своемъ словѣ, которое надписывается: *Вс̄ гр̄у епитову херотоніан*, Opera t. III, p. 543—554, преимущественно 548 СД, 549 АВ. Ср. св. *Василія Великаго Liber de Spiritu Sancto*, cap. 30, Opera t. III, edit. monachorum ordinis s. Benedicti, Paris, 1839.

совсѣмъ невозможно, потому что они, принимая св. писаніе, толковали его не такъ, какъ толковали православные, и, слѣдовательно, заставляли своихъ противниковъ, при каждой ссылкѣ на свидѣтельства Христа и Его апостоловъ, предварительно еще оправдывать свое пониманіе этихъ свидѣтельствъ,—то ясно, что эту борьбу необходимо было перенести изъ области историческихъ обоснованій въ область умозрѣнія, т. е. необходимо было чисто рациональнымъ путемъ идти къ оправданію церковно-православной формы христіанства. Этотъ переносъ былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что и сами аріане боролись съ своими православными противниками на этой именно почвѣ. Кизическій епископъ Евномій ¹⁾, полагавшій все христіанство въ ясности и понятности догматовъ и потому, естественно, стремившійся къ уничтоженію непосредственной вѣры въ пользу разумнаго знанія, понималъ откровеніе лишь такъ и постольку, какъ и поскольку оно могло быть переработано по началамъ разума. Отсюда, хотя онъ и признавалъ въ откровеніи несомнѣнную объективную истинность, однако не придавалъ ей никакого особеннаго значенія, потому что она—чуждая, внѣшняя человѣку. Для того, чтобы откровеніе стало не только божественной, но и человѣ-

---

¹⁾ По словамъ св. Григорія Нисскаго, Евномій былъ сынъ одного бѣднаго землепашца изъ села Олтисирія въ Каппадокійской области, и сначала ходилъ за отцовскимъ плугомъ, и работалъ отцовскою мотыкою. Но обучившись дорогому въ Каппадокіи искусству скорписи, онъ поступилъ къ кому-то письмоводителемъ и домашнимъ учителемъ, а потомъ самъ сдѣлался ученикомъ Аетія. Подъ руководствомъ этого аріанскаго софиста, онъ обучился діалектическому искусству и сдѣлался самымъ знаменитымъ поборникомъ аріанства. Въ 360 г. аріанскіе епископы посвятили Евномія въ санъ епископа Кизическаго, но такъ какъ въ своемъ догматическомъ ученіи онъ пошелъ въ разрѣзъ со всѣми аріанскими партіями и потому произвелъ въ аріанствѣ великій соблазнъ, то, по требованію императора Констанція, въ томъ же 360 г. былъ лишенъ своей кathedры и отправленъ въ ссылку. Послѣ этого Евномій жилъ, какъ частный человѣкъ, всецѣло посвятивъ себя литературной защитѣ видимо разлагавшагося аріанства.

ческой истиной, человѣку, по мнѣнію Евномія, необходимо *сознать* его истинность т. е. понять и усвоить его такъ, чтобы оно имѣло не только объективную божественную истинность, но и субъективную человѣческую. Въ силу такой необходимости, Евномій призналъ за человѣческимъ разумомъ въ дѣлѣ изслѣдованія истинъ вѣры необыкновенно высокія права. Такъ какъ, по нему, каждая истина вѣры, чтобы стать истиной человѣческой, должна быть утверждена въ этомъ достоинствѣ человѣческимъ разумомъ, то санкція разума, очевидно, необходима для вѣры, и самъ разумъ, такимъ образомъ, является выше вѣры. Хотя такое положеніе и неправильно, однако нельзя не замѣтить, что въ своемъ основаніи оно имѣетъ всетаки извѣстную долю законности. Евномій былъ несомнѣнно правъ, когда требовалъ раздѣленія въ откровеніи объективной и субъективной истинности. Божественное откровеніе, взятое само по себѣ, обязательно должно быть истиннымъ, потому что оно есть откровеніе Бога; но такъ какъ оно не просто откровеніе Бога, а откровеніе, данное человѣку, то его истинность обязательно должна быть признана человекомъ, потому что иначе оно не достигало бы своей цѣли. Богъ, напримѣръ, открылся человѣку, какъ единый и троичный; слѣдовательно, ученіе о единствѣ и троичности имѣетъ абсолютную божественную истинность. Еслибы эта истинность не могла быть понята и усвоена человѣческимъ сознаниемъ, то она была бы для человека только чужою истинностію, а не истинностію человѣческой. Но такъ какъ въ дѣйствительности ученіе о св. Троицѣ заимъ и открыто человѣку, чтобы онъ своимъ собственнымъ, человѣческимъ сознаниемъ истинно уразумѣлъ истиннаго Бога, то само собою понятно, что это ученіе обязательно должно быть признано за истину самимъ человекомъ, т. е. человекъ долженъ убѣдиться въ его истинности. Такимъ образомъ, Евномій былъ совершенно правъ, когда требовалъ обязательнаго участія въ дѣлѣ вѣры человѣческаго разума; но онъ былъ совершенно неправъ, когда сдѣлалъ изъ показаній разума

критерій истинности божественнаго откровенія. Онъ пришелъ къ совершенно нелѣпой мысли, будто божественное откровеніе тогда только истинно, когда оно признано за истину человѣческимъ разумомъ; т. е., другими словами, онъ хотѣлъ не божественную истину сдѣлать человѣческой, а человѣческую превратить въ божественную, такъ что разумъ человѣческій необходимо поставлялся наравнѣ съ разумомъ Божиимъ ¹⁾. Чтобы выяснитъ ложь этого положенія, нужно было доказать, что человѣческая истинность божественнаго откровенія состоитъ не въ переименованіи и искаженіи откровеннаго ученія, а въ признаніи и усвоеніи прямаго, непосредственнаго смысла его,—и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, что богословіе и философія—двѣ вещи совершенно разныя, а потому смѣшивать ихъ и выдавать одну за другую нельзя. Вотъ это-то обстоятельство и послужило побудительною причиною, заставившею св. Григорія ввести философію въ богословіе, стремиться не только признать, но и сознать христіанскую истину, какъ истину.

Это же самое обстоятельство заставило св. Григорія точнѣе опредѣлить границы философскаго изслѣдованія въ области вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ указать философіи то опредѣленное мѣсто и значеніе, при сохраненіи которыхъ она только и можетъ быть философіей *христіанскою* ²⁾. Онъ указалъ философіи чисто служебное

---

¹⁾ По свидѣтельству церковнаго историка Сократа, Евномій дѣйствительно пришелъ къ такому именно выводу. Онъ говорилъ: «Богъ знаетъ о своей сущности не болѣе насъ: она известна ему не болѣе, а намъ не менѣе; но что знаемъ о ней мы, это именно и Онъ знаетъ, и наоборотъ—что Онъ знаетъ, это безразлично найдешь и въ насъ». *Socratis historia ecclesiastica*, Lib. IV, cap. 7, edit. 1720, Cantabrigiae.

²⁾ Св. Григорій понималъ христіанскую философію, какъ такую, которая раскрывала все міровоззрѣніе человѣка подъ руководствомъ вѣры, на чистыхъ началахъ откровенія. Поэтому, напр., онъ называлъ «ученіемъ философскимъ» библейское сказаніе о происхожденіи міра.

назначеніе, и это совершенно понятно. Если божественное откровеніе содержитъ въ себѣ чистую истину, то ясно, что христіанской философіи нечего отыскивать истину, а нужно только получить ее, понять и усвоить ¹⁾; и если откровеніе назначено человѣку, то оно не должно и не можетъ выражать истину въ намѣренно затемненныхъ положеніяхъ, а что говоритъ, то и должно говорить ²⁾. Откровеніе не загадка, которую какъ хочешь, такъ и разгадывай; оно выражаетъ истину прямо, открыто, и, слѣдовательно, человѣкъ можетъ спрашивать не о томъ, что говоритъ божественное откровеніе, а о томъ, какъ безъ внутренняго противорѣчія въ мысли можно понять открываемое имъ, — т. е., онъ можетъ только уяснить для себя человѣческія основанія истинности откровенія. Напримѣръ, если откровеніе говоритъ, что есть Богъ Сынъ, то нечего лукаво утверждать, будто откровеніе въ этомъ случаѣ разумѣетъ подъ Сыномъ обыкновенную тварь, а нужно только выяснитъ тѣ основанія, по которымъ человѣческая мысль безъ всякихъ противорѣчій должна признать откровенную истину бытія Сына Божія. Такимъ образомъ, по убѣжденію св. Григорія, философія исполняетъ свое истинное назначеніе только тогда, когда она помогаетъ человѣку глубже сознавать истинность божественнаго откровенія, не переименовая и не искажая его прямаго, непосредственнаго смысла ³⁾. И это служебное положеніе философіи не только не унижаетъ

---

¹⁾ См. разсужденіе св. Григорія въ *Contra Eunomium* Lib II. Op. t. II, p. 468 СД—469 АС.

²⁾ Ibid. Lib VI, p. 716 А.

³⁾ Если божественное откровеніе служитъ первоисточникомъ христіанской философіи, то само собою понятно, что оно-то въ собственномъ смыслѣ и есть истинная христіанская философія. По мнѣнію св. Григорія, напр., книга Пѣсь Пѣсней есть *πᾶσα θεουργία καὶ φιλοσοφία ὑψηλῆς* (*In Cant. hom. 2, Op. t. I, p. 788 С.*). Если же откровеніе есть полная философія, то христіанскому философу, конечно, ничего болѣе не нужно, какъ только понять и усвоить себѣ эту божественную философію.

ея дѣйствительнаго достоинства, а напротивъ еще значительно возвышаетъ его. Если философія вообще имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку она руководитъ человѣка къ вѣроятному познанію истины, то христіанская философія должна имѣть это значеніе сугубо, потому что она не стремится къ истинѣ по пути заблужденій, а прямо выходитъ отъ истины для безошибочнаго объясненія фактовъ дѣйствительности, такъ что относительно христіанской философіи можно только пожелать, чтобы каждый человѣкъ всегда, вполнѣ и безъ всякаго опасенія довѣрился ея водительству ¹⁾.

Въ такой формѣ отлилась въ сознаніи св. Григорія борьба православія съ рационалистическимъ движеніемъ IV вѣка, и съ такимъ именно взглядомъ на взаимоотношеніе философіи и богословія онъ самъ принялъ участіе въ этой борьбѣ. Насколько вѣрно и глубоко онъ понималъ христіанство и вообще насколько точно онъ осуществилъ свой идеаль христіанскаго философа, мы узнаемъ при изложеніи его догматической системы, а теперь пока обратимъ вниманіе еще на одну особенность его мысли,—такую особенность, которая имѣетъ свою ближайшею причиною все ту же борьбу съ аріанами.

Противопоставляя свой христіанскій разумъ антихристіанскому разуму своихъ противниковъ, св. Григорій сдѣлалъ это противопоставленіе при помощи того самаго оружія, за которое по преимуществу держалась еретическая мысль, именно—при помощи діалектики. Въ этомъ лежитъ какъ преимущественное достоинство, такъ и существенный недостатокъ его богословскихъ разсужденій. Дѣло въ томъ, что въ философствующей Греціи IV вѣка нужно различать двоякаго рода діалектику: діалектику мысли и діалектику словъ. Первая состоитъ въ живомъ, научномъ развитіи мысли, вторая—въ сухой, безжизненной игрѣ словами; первая принадлежала св.

---

¹⁾ *Orat. I, De pauperibus amandis: παιδαγωγείτω τῶν τὸν βίον τῶν χριστιανῶν τρόποσ φιλόσοφος.* Opera t. III, p. 456 B.

Григорію естественно, въ силу философскаго склада его ума, вторую онъ усвоилъ себѣ искусственно, какъ необходимое оружіе для борьбы съ діалектикой аріанъ. Этимъ различіемъ между двумя діалектиками и объясняется какъ достоинство, такъ и недостатокъ богословствованія св. Григорія. Съ одной стороны онъ несомнѣнно былъ строгимъ и послѣдовательнымъ мыслителемъ, умѣлъ глубоко проникать въ сущность спора, и доходилъ въ своихъ разсужденіяхъ до самыхъ послѣднихъ, необходимыхъ основаній признанія истины; съ другой же—онъ является не больше, какъ только остроумнымъ писателемъ, а иногда даже придиричвымъ критикомъ ¹⁾. Всякій разъ, какъ только онъ начинаетъ пользоваться діалектикой словъ, у него выходитъ обыкновенно только простая игра словами, большею частію крайне вычурная. Иногда онъ видимо бьетъ на эффектъ и совсѣмъ не заботится о научной основательности своихъ, иногда очень рѣзкихъ, сужденій. Но за то это было оружіе, которымъ преимущественно пользовались еретики и которое, поэтому, болѣе всего было удобно для ихъ же окончательнаго пораженія. Мы должны принять во вниманіе, что для необразованной богословствующей массы греческаго востока въ IV вѣкѣ софистическое искусство хитраго подбора словъ и выраженій имѣло гораздо большее значеніе, чѣмъ твердое слово науки. Этимъ обстоятельствомъ, какъ извѣстно, съ большимъ успѣхомъ пользовались поборники аріанства, а потому волею-неволею должны были обратить на него серьезное вниманіе и защитники православія. Лично св. Григорій относился къ діалектическому искусству весьма неблагоклонно; оно было для него не больше, какъ только *ἡ τοῦ Ἀριστοτέλους χακοτεχνία*, и потому онъ отвергалъ въ немъ всякую дока-

---

¹⁾ См. сужденіе преосвящ. Филарета, *Историческое ученіе объ отцахъ церкви*, Санктпетербургъ 1859 г., т. II, стр. 203. Срав. сужденіе Гейнса, *op. cit* p. 119.